

Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г.

Начиная с революции 1848—1849 гг., среди славян ширилось убеждение в необходимости освобождения от чужеземного гнета. Главный способ этого славянские политики видели в укреплении славянской взаимности, которая означала сплочение славян в борьбе за свою культуру, за свою политическую самостоятельность. Эти идеи обсуждались на славянских съездах, которые собирались несколько раз вплоть до начала Первой мировой войны. Первый съезд прошел в Праге в июне 1848 г., второй — в Москве в 1867 г., третий — в Праге в 1868 г., четвертый — снова в Праге в 1908 г., пятый — в Софии в 1910 г. Все они имели своей целью содействие укреплению национальных культур славянских народов и освобождению их от иноземного влияния. Эти съезды способствовали духовной консолидации славян, подготавливали таким образом их политическое освобождение. В идеологии малых славянских народов надежды на освобождение были связаны с помощью единственного независимого славянского народа, сумевшего создать свое сильное государство, свою самобытную культуру, — русского.

История славянских съездов подробно рассматривалась в трудах ученых. Особо пристальное их внимание привлекал Славянский съезд 1867 г. в Москве, проходивший там одновременно с Этнографической выставкой. Свои работы ему посвятили отечественные историки: С.А. Никитин, Л.П. Лаптева, М.Ю. Досталь, автор данной статьи, а также ряд других российских, чешских, словенских и прочих славянских ученых.

Однако главное внимание в их трудах уделялось Этнографической выставке — привлечению к сбору этнографических артефактов славянских деятелей, пребыванию славянских гостей в России. Говорилось и о Славянском съезде, но главным

образом то, о чем писали газеты. Однако наряду с официальными мероприятиями в Москве в 1867 г. проходили и частные встречи, на которых обсуждались вопросы, оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие славянской идеологии, а также политические проблемы: получение русского займа для укрепления Балканского союза, создание Западно-славянской империи на базе земель Царства Польского и чешских территорий, возможная помощь чехам со стороны России в случае распада Габсбургской монархии. Наиболее важными, вызвавшими споры среди участников съезда, были польский вопрос и вопрос о принятии общеславянского языка. Именно этой проблематике автор уделяет основное внимание.

В последние десятилетия съезду 1867 г. также были посвящены специальные конференции, отмечавшие: 130-летие со дня его проведения («130 лет Московскому славянскому съезду». Москва. Институт русского языка РАН. 1997 г.), затем — 140-летие («Первая этнографическая выставка в России». Санкт-Петербург. Российский этнографический музей. 2007 г.) и, наконец, его 150-летие («Славянский конгресс: как сегодня изучать историю славянского мира? К 150-летию Славянского съезда. 1867–2017». Санкт-Петербургский государственный университет. 2017 г.). В 2017 г. в Москве вышла в свет книга «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 г.». Такое исследовательское внимание к событиям 1867 г. не случайно. Оно связано не только с интересом к первым шагам развития русской этнографии, но и главным образом с проблемой создания славянской политической идеологии, которая отчетливо стала оформляться именно на съезде 1867 г.

Этнографическая выставка проходила в Москве под покровительством русского правительства, которое рассматривало ее как один из способов укрепления национальной гордости, уверенности в могуществе России у российских властных кругов, общества и широких народных масс, значительно поколебленных после ее поражения в Крымской войне. А до выставки были реформы Александра II — крестьянская, судебная, военная и пр., пышное празднование в 1862 г. Тысячелетия Российского государства.

В числе прочих постановлений, в 1863 г. был принят новый университетский Устав, который разрешил открытие при университетах научных обществ. Одним из первых было основано Общество любителей естествознания при Московском университете. А уже в 1864 г. экстраординарный профессор Московского университета антрополог А.П. Богданов выступил с предложением устроить в Москве Антропологическо-этнографическую выставку народов России. Эту идею поддержало не только руководство Общества, но и русское правительство: почетным председателем выставки стал младший сын царя великий князь Владимир Александрович, а на ее проведение было выделено 20 тыс. рублей.

24 ноября 1865 г. Обществу любителей естествознания было представлено предложение профессора Московского университета Николая Александровича Попова о создании на выставке специального отдела, посвященного зарубежным славянским народам. Необходимость этого отдела Попов аргументировал следующим образом: во-первых, славяне должны служить предметом первого сравнения при изучении русской народности, как родственные ей племена; во-вторых, многие славяне (поляки, сербы, болгары) живут в самой России, а многие приходят в нее на заработки. Предложение Попова было принято с воодушевлением. На выставку решено было пригласить представителей русских ученых обществ и высших учебных заведений, а также тех лиц, в том числе из зарубежных славян, которые пожертвуют на нее экспонаты. Сношение с зарубежными славянами и приобретение у них национальных костюмов и предметов быта комитет выставки поручил Н.А. Попову и протоиерею церкви при русском посольстве в Вене Михаилу Федоровичу Раевскому, которого С.А. Никитин, один из первых серьезных отечественных исследователей славянофильства, считал наиболее важным агентом славянских комитетов за границей¹.

Раевский охотно взялся за дело. В 1866 г. он издал в Вене брошюру «Русская этнографическая выставка в Москве» («Die Russische ethnographische Ausstellung in Moskau»), в которой содержались обращение комитета выставки и инструкции по сбору этнографических предметов. Эти материалы были на-

печатаны во многих славянских газетах. По просьбе Раевского редактор венской газеты «Slawische Blätter» («Славянская газета») хорват Абель Лукшич в мае 1866 г. посетил Пешт, Нови Сад, Вуковар, Загреб, Любляну, где вел переговоры с видными славянскими деятелями о посылке на московскую выставку этнографических предметов своих народов. Лукшич также опубликовал в своей газете призыв направлять в Москву этнографические артефакты². Попов и Раевский привлекли к работе русских деятелей, имевших друзей среди славян: А.В. Фрейганга, М.П. Погодина, В.И. Ламанского и др. Большинство из них являлись членами Московского славянского благотворительного комитета. Они не скупилась на приглашения на выставку и посылали их, помимо жертвователей экспонатов, наиболее видным славянским деятелям. Всего было разослано более 300 приглашений. Хотя Московский славянский комитет формально не участвовал в формировании состава участников выставки, но практически именно его члены созывали их, прежде всего из числа зарубежных славян.

Энергичная агитация по поводу Этнографической выставки не могла не обратить внимания австрийских властей и австрийской немецкой прессы. В ответ на приглашение видных славянских деятелей в Москву, в немецких газетах Габсбургской монархии началась настоящая травля тех, кто пожелал бы отправиться на Этнографическую выставку. Особенно резко выступали газеты «Прессе» («Presse»), «Дебатте» («Debatte»), «Нойе Фрайе Прессе» («Neue Freie Presse»), всегда отличавшиеся недоброжелательством по отношению к славянам. Они провозглашали встречу в Москве «панславистским сборищем» и подчеркивали: «Побратимство на панславистской основе — это заговор против Австрии; кто в нем участвует, тот вызывает всю Австрию, и вопль негодования — вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто примыкает к преступному покушению на ее существование»³.

И это не было мнением только прессы — она в данном случае выражала позицию правительственных кругов в Вене. В полицейских архивах зафиксировано их отношение к поездке славянских деятелей в Москву. «Панславистское движение, —

отмечалось там, — которое в российских кругах, во всяком случае, петербургским кабинетом откровенно поощряется и поддерживается, является всё более угрожающим для населения Австрии. Этнографическая выставка в Москве самым тесным образом связана с этим движением и одновременно является его выражением ... По-видимому, она имеет не только этнографическое значение»⁴.

Австрийское правительство намеревалось даже сорвать поездку славян в Москву. Так, австрийский посланник в Петербурге граф Ревертера попытался начать об этом разговор с министром иностранных дел России князем А.М. Горчаковым, но тот занял позицию невмешательства. Когда же Ревертера обратился к русскому министру внутренних дел П.А. Валуеву, тот попросил у посланника дать ему список лиц, приезд которых в Россию был бы нежелателен его правительству. Валуев подчеркнул, что русское правительство стоит в стороне от организации Этнографической выставки. Вопрос о списке поставил Ревертеру в тупик. Тогда министр иностранных дел Австрии Ф. Бейст прислал Ревертере инструкцию с тем, чтобы он прочитал ее Горчакову. В ней русское правительство предупреждалось, что австрийские власти останутся в стороне, если в Галиции будет проведена антироссийская манифестация с участием подданных России. Здесь Бейст недвусмысленно намекал на поляков: ведь и галицкие поляки, и польская эмиграция в Париже выступали против самой идеи приезда славян в Москву. Так, газета «Дзенник Полски» («Dziennik Polski») писала, что Этнографическая выставка устроена для того, чтобы продемонстрировать миру солидарность всех славян. «Ложь — эта солидарность славянских племен под русским протекторатом». Такой солидарности не признают ни поляки, ни чехи, ни рутены (русины. — *И. Ч.*). Выставка представляет собой потемкинские деревни⁵.

Ко всем этим демаршам австрийских властей правительство России отнеслось более чем прохладно. В ответ на инструкцию Бейста Горчаков ответил, что русское правительство находится в стороне от прославления объединения мнимой славянской нации. Императорский же двор покровительствует

Этнографической выставке, которая не имеет ничего общего с утопиями московской партии (славянофилов. — *И. Ч.*). Горчаков заявил, что правительство не может отвечать за те речи, которые произнесут представители различных областей России, собравшиеся на Этнографическую выставку⁶.

О. Бисмарк, ознакомившись с положением дел, дал совет австрийским властям: обвинить всех, кто поехал в Москву, в государственной измене и арестовать⁷.

* * *

Создание Славянского отдела на Этнографической выставке в Москве славянофилы решили использовать для проведения Славянского съезда. Инициатором этого выступил профессор С.-Петербургского университета В.И. Ламанский. 23 октября 1865 г. он писал Н.А. Попову: «Знаете, что бы надо устроить у Вас в Москве по случаю Этнографической выставки в 1867 г.? Во-первых, устроить в то время несколько публичных чтений о славянстве. Вы бы прочли две-три лекции, я бы тоже не отказался, можно бы пригласить Лавровского* и пр. Во-вторых, устроить в то время в Москве ... славянский съезд... Но чтобы удалось это дело, теперь надо начать и провести его без шума»⁸.

Уже 1 ноября 1866 г. Ламанский благодарил Раевского за хлопоты об Этнографической выставке и одновременно советовался с ним, кто бы из славян мог приехать в Москву. Среди желательных гостей он назвал русина А.И. Добрянского, словенца Я. Блейвейса, хорвата И. Кукульевича, чеха Ф. Ригера, сербов М. Поповича и С. Милетича и др.⁹

Накануне предполагаемого славянского съезда Ламанский издал со своими комментариями в «Чтениях Общества истории и древностей российских» трактат словацкого национального деятеля Людовита Штура «Славянство и мир будущего», который тот перед смертью передал М.Ф. Раевскому. В своем трактате Штур рассматривал три варианта будущего славян после их освобождения. Первый вариант — создание ими федерации,

* П.А. Лавровский, профессор Харьковского университета.

второй — превращение Австрии в государство западных и южных славян, третий — присоединение всех славян к Российской империи. Именно его Штур считал единственно возможным. Но для этого Россия должна провести ряд реформ и «устроиться внутри как того требует дух славянства, истинная современная образованность и ее мировое положение». Россия останется самодержавной монархией, но с широкой автономией отдельных областей и народным представительством выборных земских людей. Славяне же со своей стороны должны принять русский язык и вернуться к православию¹⁰. «Нам представляется, — пишет С.А. Никитин, — что издание сочинения Штура имело глубоко принципиальные основания и представляло нечто вроде опубликования программного документа..., могущего служить основой для объединения прежде всего русских, а затем и славянских участников съезда». При этом, указывает Никитин, мысли из трактата Штура встречались впоследствии на страницах русских газет¹¹.

В.И. Ламанский полагал, что славянский съезд изменит само славянское движение. На заседании в честь открытия Этнографической выставки, прошедшем в Московском университете 27 апреля, он сказал: «Съезд славянских представителей и корифеев в Москве может стать поворотной точкой, открыть новую эпоху в истории славянского мира»¹².

* * *

На призыв русских славянофилов откликнулись многие зарубежные славянские деятели. И дело было не только в их симпатиях к России, но и в политической обстановке, которая сложилась в то время в Габсбургской монархии и Османской империи. В Габсбургской монархии с начала 1860-х годов, с установлением в ней определенных конституционных норм, шла борьба за ее преобразование на централистской, дуалистической или федералистской основе. Славянские политики выступали за федерализм, венгры и часть австрийского двора — за дуализм, немецкие либералы и большая часть австрийского двора — за централизм. К середине 1860-х годов стало ясно, что в правящих кругах всё большую поддержку получают идеи

дуализма, чему способствовало поражение Австрии в ее войне с Пруссией в 1866 г. Против дуализма выступали все австрийские славяне. Чехи и словенцы, должные остаться под властью Вены, опасались усиления германизации; хорваты, словаки и воеводинские сербы, отходившие в венгерскую часть монархии, опасались мадьяризации. Застрельщиками борьбы против дуализма выступили чехи. В 1865 г. чешский лидер Ф. Палацкий опубликовал серию статей под заглавием «Идея австрийского государства», в которых доказывал, что дуализм опаснее, чем полная централизация, и предлагал свой план преобразования Австрии на федеративных началах. Палацкий отвергал обвинение чехов в панславизме, однако недвусмысленно замечал: «День провозглашения дуализма непреодолимо станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме... Существовали мы до Австрии, будем существовать и после нее»¹³.

Для австрийских славян поездка на Этнографическую выставку в Москву явилась способом заявить свое решительное недовольство политикой Габсбургов. В частности, газета «Биржевые ведомости» напечатала выдержки из публикаций прессы австрийских славян. Так, орган младочехов «Народни листы» («Narodni listy») указывал: «Если будет к тому повод, никто из чехов не поколеблется сказать в Москве ли, в Петербурге ли, то же, что так часто говорилось в Праге: что народ чешский не дозволит лишить свою страну ее политической самостоятельности, что он не захочет в виду каких бы то ни было неожиданных событий утонуть в немецком море». Хорватская газета «Позор» («Pozor»), выражавшая взгляды национально-либеральной партии, подчеркивала: «Кто задумал и может ехать в Москву, того не остановит ярость венских газет, тот со спокойным духом станет между братьями, чтобы высказать им все свои скорби и печали». Эти люди увидят, «что для них прежде всего необходима духовная связь, если только они желают отразить предназначенную им погибель»¹⁴. Словацкие «Пештбудимские ведомости», отмечая запоздалость австрийских протестов, заявляли: «Русский народ глубоко почувствовал необходимость прийти на помощь прочим славянским национальностям ...

братьям, которые, будучи подавлены гнетом противников, со своей стороны сознают еще более необходимость почерпнуть новые силы ... из неисчерпаемого, свежего источника русского славянства»¹⁵.

Политики Княжества Сербии тоже имели свои причины ехать в Россию. В середине 1860-х годов снова встал вопрос о турецких гарнизонах в четырех сербских городах. Зародилась мысль и о всеобщем восстании против турок. В связи с этим возник Балканский союз во главе с Сербией и под русским покровительством, просуществовавший с 1866 по 1868 гг. В сложившихся обстоятельствах Княжество нуждалось в поддержке и получении займа от России.

Несмотря на нападки прессы, на угрозы австрийских правительственных кругов значительное число приглашенных поехали в Москву. Всего туда отправилось 81 человек, из них — 63 представителя австрийских славян (27 чехов, 16 австрийских сербов, 10 хорватов, 4 русина, 3 словака, 3 словенца), 12 сербов из Княжества, 2 черногорца, 1 болгарин, 2 лужицких серба, 1 поляк из Пруссии (кашуб)¹⁶.

Среди чешской делегации были самые значительные лидеры чехов: от старочехов — Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, от младочехов — Э. Грегр и Э. Вавра. Исследовав ее состав, профессор Карлова университета в Праге М. Главачка пришел к заключению, что по своему социальному положению и профессиональной принадлежности члены делегации являлись представителями среднего класса; это были, в основном, деятели науки и культуры, торговцы, чиновники, несколько небогатых фабрикантов, священники¹⁷.

Из словаков на выставку поехали видные национальные деятели — адвокат М. Мудронь, юрист Р. Есенский, а также католический священник, поляк А. Радлинский. Последний являлся сторонником принятия русского языка славянами в качестве общеславянского литературного языка.

Из хорватских земель приехало 10 человек, из них наиболее известными были бывший лидер иллиров Л. Гай, выдающийся далматинский издатель и публицист И. Данило, издатель А. Лукшич.

Среди трех словенцев, отправившихся в Москву, выделялся священник Матия Маяр, один из авторов словенской политической программы Объединенная Словения, пытавшийся создать единый литературный язык для всех славян.

В числе четверых русин, прибывших на выставку, находились Я.Ф. Головацкий, отстраненный от должности профессора Львовского университета за активную деятельность по сбору этнографических предметов для московской выставки, и издатель газеты «Страхопуд» И.Н. Ливчак.

Наконец, из 16 австрийских сербов, приехавших в Россию, было несколько видных политиков. М. Полит-Десанчич, поборник объединения всех сербов — как австрийских, так и Княжества — в единое политическое целое, являлся членом хорватского сабора. По взглядам он был близок к радикальному сербскому обществу Омладина. В своей брошюре «Народность и государственная основа», изданной в 1862 г., Полит-Десанчич писал о необходимости создания единого государства из Сербии, Болгарии, Валахии и Греции с центром в Царьграде (Константинополе), выступая таким образом не только за объединение сербов, но и за южнославянский проект. В России он видел главную опору для осуществления этого плана. Членом Омладины был приехавший в Москву сербский студент из Вены Владан Джорджевич, который также мечтал о создании южнославянского государства¹⁸. Кроме них из прибывших в Москву австрийских сербов выделялись А. Вукашинович, член хорватского сабора и его вице-президент, а также Й. Суботич, писатель, сторонник югославянской идеи. Он пользовался уважением в России, и его в числе прочих выдающихся славянских деятелей наградили русским орденом во время празднования Тысячелетия России. Вукашинович и Суботич придерживались либеральных взглядов.

Делегация из Княжества Сербии состояла как из культурных деятелей, так и из представителей государственных структур. Делегацию возглавлял помощник министра юстиции М. Петрониевич. В нее входили также два члена Сербского учебного общества — М. Миличевич и секретарь общества, историк и литератор профессор Я. Шафарик. Миличевич занимал

должность первого секретаря министерства народного просвещения. Он был известен русской общественности, поскольку писал корреспонденции в издания «Русская беседа» и «Русский вестник». Кроме Миличевича и Шафарика в делегации сербов из Княжества находился старейший сербский журналист Милорад Медакович, переехавший в Сербию из Австрии. Некоторое время он служил секретарем черногорского князя Данилы и написал две книги о Черногории. В качестве секретаря черногорского князя он бывал в России и контактировал с членами русского правительства. Миличевич и Петрониевич имели особые поручения сербских властей. Так, Миличевич, по совету премьер-министра и министра иностранных дел И. Гарашанина, должен был сообщить русскому правительству и общественным кругам об установлении сербами Княжества хороших отношений с черногорцами и болгарами, а относительно хорватов, обратившихся к ним за советом, сказать, что сербы рекомендовали им защищать свои права и беречь свои силы. Петрониевич же по поручению правительства должен был вести с русскими властными кругами переговоры о займе для Сербии¹⁹.

Из Черногории прибыли тесть князя Николы, сенатор и начальник черногорской гвардии Петр Вукотич и воевода Илья Пламенац.

Болгарию представлял врач И. Богоров, издатель и публицист, автор первого болгарского учебника географии. В Москве к нему присоединился сотрудник славянофильских газет «День» и «Москва», а также катковских «Московских ведомостей» Райко Жинзифов.

От лужицких сербов в Москву прибыли учредитель Серболужицкой Матицы Я. Смоляр и его помощник врач Дучман. Кашубов представлял Ф. Ценова, знаток их языка и обычаев²⁰.

Как можно видеть, если австрийские славяне послали на выставку представителей общественности, прежде всего культуры, то иначе обстояло дело с полунезависимыми балканскими государствами — Сербией и Черногорией. Черногорская делегация включала официальных лиц, сербская — как официальных, так и культурных деятелей. Даже представители сербских научных обществ для поездки в Россию должны были по-

лучить дозволение своих властей. В частности, М. Миличевич перед отъездом должен был обратиться за разрешением к князю Михаилу Обреновичу и министру иностранных дел И. Гарашанину. Ф. Влайкович в письме к Н.А. Попову от 27 апреля 1867 г. упрекал его и И.С. Аксакова в том, что они якобы не пригласили из Сербии тех людей, которые «в состоянии представить вполне нацию свою», а именно П. Сречковича, А. Васильевича и др. По словам Влайковича, А. Васильевич просил министра о поездке, но тот ему отказал. То же самое писал М.П. Погодину болгарин Л. Каравелов²¹.

Интересно, что из тех, кто отправился в Москву, жертвователей этнографических предметов было немного. Немного среди приезжих гостей было и этнографов. Уже этот факт указывает на то, что славянофилы, приглашая славянских гостей, думали не столько об Этнографической выставке, сколько о славянском съезде.

4 мая 1867 г. 62 представителя славянских народов пересекли австрийско-русскую границу. Позже в Россию приехали Палацкий, Ригер, а также лужицкие сербы, черногорцы и некоторые другие.

Сначала славянские гости отправились в Петербург. По пути в столицу они останавливались в ряде городов, где их встречали с музыкой, речами, щедрым угощением. Так было в Варшаве, Ченстохове, Гродно, Вильно, Острове, Пскове. Особо пышным был прием в Варшаве, где от имени славян выступили чех Браунер, словаки Я. Шафарик и Мудронь, австрийский серб Полит-Десанчич. На этом приеме Шафарик поднял тост в честь русского народа. «Предлагаю тост в честь вечной славы и величия русского народа, — сказал он, — божиею волей от природы назначенного защитником и хранителем славянской народности». В том же духе выступил на русском языке и Полит-Десанчич: «Россия не принадлежит только русским — нет, она есть общеславянское достояние; русский царь есть царь родственных ему славян»²².

Горячая встреча славян состоялась в Петербурге. На Варшавском вокзале их ожидала восторженная толпа в две тысячи человек. Гости обнимали, кричали «Слава!», провожали до

гостиницы, где их разместили. И началась череда приглашений, встреч, обедов. На первом же обеде в Петербурге Ригер заявил: «Наибольший и первенствующий на земле народ славянский ... Но вот взошло солнце взаимности славянской, и мы убедились, что мы все один народ, убедились, что если мы станем друг друга поддерживать, мы будем народ великий не только числом своим, но и своими делами»²³.

Славян приглашали министр просвещения граф Д.А. Толстой, а также ряд частных лиц. Помимо этого 11 мая состоялся обед в Дворянском собрании, на котором присутствовал и граф Д.А. Толстой. В своей речи он подчеркнул исконные родственные связи славян, отметил общее сочувствие к ним по всей русской земле, которое не имеет какого-либо политического расчета. Он говорил о необходимости развития научных связей между славянами, которые явятся средством сближения между ними, призывал славян изучать языки и историю друг друга, устанавливать между собой тесные связи, выразил уверенность в великом будущем славянского племени. Хотя Толстой заявлял, что он выступает неофициально, но, несомненно, делал это с ведома царя²⁴. В ответном слове Ригер подчеркнул: «Если нам невозможно соединиться материально, то соединимся же по крайней мере союзом духовным». Свое выступление В.И. Ламанский начал словами, которыми Палацкий приветствовал Славянский съезд в Праге в 1848 г.: «У нашего собрания тот же всеславянский смысл, но не те же цели и побуждения... Мы изгоняем политику из дружеских бесед наших. Мы сошлись просто попить, повеселиться и порадоваться». Ламанский лукавил: уже речь, произнесенная Полит-Десанчичем на том же собрании, перечеркнула его заявление. Полит высказался откровенно: «Вопрос о судьбе славянства можем решить теперь только сами мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю России... Россия не только русская, но и славянская, всеславянская держава»²⁵. В том же духе выступил и чех Браунер, который отметил, что идея славянской взаимности возникла на западе славянского мира «из настоящей необходимости спасти славянские народы от поглощения их чуждым элементом. Эту великую мысль может осуществить только ве-

ликий народ, являющийся полновластным господином в своей земле, и этот народ — русский, в земле которого никогда не заходит солнце»²⁶. Позднее, в выступлении на обеде в Купеческом собрании в Москве 26 мая, Полит-Десанчич высказался еще более определенно: «Расширение границ Княжества Сербского и обновление сербского царства — вот путь к решению славянского вопроса, который и состоит в братстве славянских племен под верховным главенством России»²⁷. Здесь сербский политик прямо конкретизировал цели, стоявшие перед его народом, — воссоздать Сербию в тех размерах, которые она имела во времена Стефана Душана. От имени болгарского народа Р. Жинзифов в московском Английском клубе провозгласил: «Болгарский народ вполне верит, что когда наступит пора, а эта пора недалеко, великий русский народ с радостью поспешит на помощь ему для избавления его от многовекового тяжелого ига»²⁸.

Как можно видеть, и сербы, и чехи, и болгары открыто говорили о возможности своего освобождения с помощью России. Этот вопрос не раз поднимался на встречах славянских гостей с русскими деятелями и не вызывал разногласий. Все ораторы по этому вопросу выступали согласованно. Русские славянофилы и круг лиц, близкий им, указывали на это. Все русские деятели — М.П. Погодин, М.Н. Катков, С.М. Соловьев и другие подчеркивали, что Россия не стремится к приобретению славянских земель. На прощальном ужине перед отъездом славян из Москвы М.П. Погодин заявил: «Нам ничего не надо от вас, кроме любви. Устраивайтесь, как вам угодно, как сочтете себе за лучшее, и будьте уверены во всегдашнем нашем сочувствии, во всегдашней готовности помогать вам словом, делом, помышлением на пути добра и успеха к пользе науки, просвещения, благосостояния гражданского и человеческого». В этой же речи он подчеркнул: «Мы убедились, что из всех европейских народов единственные, первые друзья России суть славяне. Точно так же убедились и вы, что вам никому надеяться не на кого, кроме русских»²⁹.

Таким образом, как славянские гости, так и их русские хозяева были едины во мнении: славяне должны быть освобождены с помощью России и затем сами создавать свои государства.

Пребывание в Петербурге дало возможность славянским гостям не только посетить Эрмитаж, Зимний дворец, Исаакиевский собор и другие достопримечательности, но и пообщаться с представителями русских властных структур. Особенно стремились к этому чехи и сербы из Княжества.

Чехи имели встречу с великим князем Константином Николаевичем 12 мая. На прием к нему были приглашены Палацкий, Ригер и Вавра, который исполнял роль переводчика. Никаких официальных источников об этой встрече не осталось, о ней можно узнать только из воспоминаний Вавры и заметок личного адъютанта великого князя — А.А. Киреева. На основании этих материалов С.А. Никитин делает небезосновательное предположение, что разговор шел о «Константиновом плане», созданном чешскими лидерами³⁰. На существование этого плана указывает ряд фактов. Перед поездкой в Россию Палацкий и Ригер отправились в Париж на переговоры с польской эмиграцией, а также для выяснения позиции французского правительства по отношению к Австрии. Поляки не поддержали план чехов. 1 (13) мая 1867 г. делегация польских эмигрантов вручила им манифест, в котором от имени польского народа выражался энергичный протест против всякой солидарности с московско-славянским съездом и безусловно отвергались союз или выражение родственной связи славян с «москалями». В манифесте открыто заявлялось, что переходя в московский лагерь, славяне будут принуждены бороться с поляками³¹. Менее известно, что в Праге 22 апреля (4 мая), накануне отъезда в Россию, чешские лидеры имели встречу с хорватским архиепископом Й.Ю. Штросмайером, который приезжал на один день в столицу Чехии. Об этом, в частности, писала петербургская газета «Биржевые ведомости», указав, что он совещался с представителями чешской национальной партии³². Скорее всего чехи и ему сообщили о своем плане. Встречи с поляками и со Штросмайером указывают на то, что чешские лидеры имели важный проект, с которым они ознакомили крупнейших деятелей славянского движения. Э. Вавра пишет в своих воспоминаниях, что согласно «Константинову плану» предполагалось создание славянского государства под покровительством

России. В его состав должны были войти славянские земли на западе от Вислы, т.е. польские и чешские, и образовать Западно-славянскую империю во главе с сыном великого князя Константина Николаевича Вячеславом (Вацлавом). Этот план был известен австрийской полиции, как пишет М. Главачка, и очень беспокоил ее. Ученый приводит материалы полицейских архивов Вены, которые указывают на присутствие в чешской делегации агентов австрийского правительства, которые сообщали своим хозяевам всё, что происходило во время поездки славян по России³³. «Константинов план» придумали чешские политики, опасавшиеся распада Австрии после неудачной австро-прусской войны и стремившиеся найти приемлемый для чехов выход. В связи с этим становится понятным, почему чехи в своих выступлениях активно будировали польский вопрос. Свои государственные планы они связывали с великим князем Константином Николаевичем и его потомством. Этот выбор не был случайным. Константина в славянских кругах считали сторонником поддержки славян со стороны русского правительства. Еще за десяток лет до Этнографической выставки свой план создания славянского государства под эгидой России написал Л. Штур. На особое доверие словацкого политика к великому князю Константину указывает тот факт, что перед смертью он просил М.Ф. Раевского передать именно ему свое сочинение «Россия и мир будущего».

Проект создания Западно-славянской империи чехи обсуждали в Петербурге не только на первой встрече с Константином. Они еще раз были в гостях у великого князя, неоднократно встречались с его адъютантом и доверенным лицом А.А. Киреевым. Последний в своем дневнике указывал, что великий князь отметил разницу в стремлениях чехов и галичан: чехи обосновывали свои желания историческим правом, галичане же стояли на «этнической почве», поскольку историческое право вело бы их к подчинению полякам. Сам Киреев старался внушить своим собеседникам мысль об отсутствии у России желания поглотить славян³⁴. Встречи с великим князем Константином произвели на чехов благоприятное впечатление.

Встречались чешские лидеры 10 мая и с А. М. Горчаковым. По мнению С. А. Никитина, чехи и Горчаков не поняли друг друга. Вавра прямо указывал, что разговор с министром чехов не удовлетворил — тот не шел дальше общих обещаний и сочувствия.

Исследование М. Главачкой венских архивов, в которых он обнаружил донесения полицейских агентов об этих встречах, дало ему возможность приоткрыть завесу тайны над переговорами чехов с Горчаковым. Главачка утверждает, что в Петербурге чешским лидерам было дано обещание, что в случае распада Габсбургской монархии Россия не допустит поглощения Чехии и Моравии Пруссией³⁵. Скорее всего вопрос о создании чешского или чешско-польского государства русские государственные деятели оставили открытым. Следует отметить, что в русской прессе суть переговоров чехов не освещалась, хотя об их встречах сообщалось.

В отличие от чехов, пребывание в России сербов подробно комментировалось русской печатью. Они тоже были приняты Горчаковым 10 мая. Однако, по словам Вавры, министр оказал сербам больше внимания, чем чехам. Он подчеркнул, что славянский юг должен быть славянским. Горчаков обещал, что Россия будет и впредь стоять «на страже интересов сербского народа». Прямым доказательством поддержки Сербии стал заем, который согласилось предоставить русское правительство и который Княжество получило к концу 1867 г.³⁶

Кульминацией пребывания славян в Петербурге явилась их поездка 14 мая в Царское село. Большинство гостей были на экскурсии. 23 человека были приняты Александром II. На приеме присутствовали сербы из Княжества (Петрониевич, Джорджевич, Шафарик, Миличевич, Тодорович), чехи (Палацкий, Ригер, Гамерник, Эрбен и, по-видимому, Вавра в качестве переводчика), русин Головацкий, болгарин Богоров, австрийские сербы (архимандрит Ковачевич, Бегович, Милутинович, Кукич, Суботич, Маткович, Полит-Десанчич), словак Есенский, лужичане Смоляр и Дучман, хорват Данило. Речь царя была краткой, но благожелательной. «Здравствуйте, господа, — сказал он. — Я рад видеть вас, славянских братьев,

на родной славянской земле. Надеюсь, что вы останетесь довольны приемом как здесь, так и особенно в Москве. До свидания!». В частном разговоре с сербами царь заявил, что помощь им он считает своим наследственным делом. Далее он выразил надежду на лучшее будущее для сербов, поинтересовался, вывели ли турки свои войска из Белграда. Отдельно удостоились разговора с царем Петрониевич, Миличевич, Шафарик, Полит-Десанчич. Александр II похвалил Полита за хорошее знание русского языка, расспросил его о сербском богослужении, а Шафарика сказал: «Мы сербов всегда считали за своих родных братьев, и надеюсь, что Бог готовит вам в скором времени лучшую будущность». На сербов произвели большое впечатление ничего не значащие слова прощания царя: «До свидания!». Киреев замечал в своем дневнике, что сербы поняли их как «до свидания в Вене и Царьграде». «На стену лезут! Мы их успокаиваем»³⁷. Особое внимание на этой встрече было уделено чехам. Александр II беседовал с Палацким, Ригером, а также с лужицким сербом Смоляром. Императрица Мария Александровна оказала внимание Палацкому, выразив сожаление, что у славян нет общей азбуки и правописания³⁸. На Палацкого большое впечатление произвело то, что царь назвал славян «братьями», как впоследствии писал его сын Ян³⁹.

Встречей с царем закончился ряд приемов славян государственными деятелями в Петербурге.

15 мая славянские гости отправились в Москву, куда они, после продолжительной остановки в Твери, прибыли 16 мая. На вокзале их встречало до 5 тыс. человек во главе с градоначальником князем А.А. Щербатовым, который преподнес гостям хлеб-соль. Любопытен факт обращения московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова к Александру II, накануне приезда славян в Москву, с просьбой объяснить, как следует принимать славян. В ответе было указано: так, как было в Петербурге⁴⁰.

В Москве славяне пробыли с 16 по 27 мая. Помимо общих мероприятий они посетили ряд частных домов. Так, их принимали: М.П. Погодин, славянофилы А.И. Кошелев, В.А. Черкасский, И.С. Аксаков; также славянские гости посетили

М.Н. Каткова, П.М. Леонтьева, А.И. Левшина, Н.В. Калачова, С.И. Барышева, С.М. Соловьева. Все они являлись представителями московской интеллигенции, сочувствовавшей славянскому делу. Именно на этих частных приемах и происходили откровенные обсуждения вопросов, интересовавших как русских хозяев, так и славянских гостей. Из числа важных чиновников в Москве славян приглашали: попечитель Московского учебного округа, археограф, князь Н.П. Мещерский и генерал-губернатор Москвы князь В.А. Долгоруков. Кроме того, славяне-медики, славяне-историки и славяне-филологи встречались со своими русскими коллегами.

На приемах в честь Этнографической выставки чехи подняли вопрос о поляках, инициатором чего был Ригер. Связано это было с тем, что, во-первых, чешские деятели либерального направления во время польского восстания 1863 г. сочувствовали повстанцам, а, во-вторых, «Константинов план», одним из авторов которого был Ригер, требовал улаживания польского вопроса. Этот вопрос был поднят 21 мая на праздничном обеде в Сокольниках. На нем И.С. Аксаков выступил с речью, в которой заявил, что сейчас в Москве проходит первая всеславянская сходка. «Призвание России, — сказал он, — осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни». В ответной речи Ригер выразил сожаление по поводу отсутствия поляков. Вместе с тем он сказал, что малороссийская ветвь неправдою отторгнута от русских и ее необходимо вернуть России. Подчеркнув, что восстание в Польше явилось несчастьем не только для поляков, но и для всех славян, Ригер указал, что полабские славяне погибли, потому что воевали друг с другом. Кто поручится, продолжил он, что «поляки, дождавшись своего времени, не позовут на помощь себе против русских немцев, окрепших в своей военной силе?». И далее Ригер добавил: «Поляки, ветвь западного славянства, отличная от народа русского, как по языку, так и по истории, имеют право на свое народное существование». По его мнению, русские должны благородно даровать полякам это право, «тогда вы, как победители, как сильнейшие, докажете, что вы не желали их лишать народности, что и вы готовы оказать им братскую лю-

бовь!»⁴¹. Здесь Ригер впервые публично выступил по польскому вопросу, хотя в Петербурге, в кругах, близких к великому князю Константину, как свидетельствует дневник А.А. Киреева, Ригер вел о нем переговоры⁴². Любопытно, что после выступления Ригера в Сокольниках польские газеты — «Дзенник Познански», «Час», «Дзенник Польски», «Газета народово» — обвинили его в недоброжелательном отношении к полякам.

Ригеру ответил князь В.А. Черкасский, славянофил, один из участников подготовки крестьянской реформы в России и Польше, в 1864–1867 гг. занимавший должность главного директора, председательствующего в Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. Указав, что Александр I даровал полякам Царство Польское, пользовавшееся многими правами, он подчеркнул, что поляки сами виноваты в уменьшении своих прав, поскольку дважды, в 1830 и 1863 гг., восставали против России. Затем Черкасский отметил, что российское правительство всячески способствует развитию польского народа: поляки получили суд присяжных раньше, чем русские и малороссы, в польских губерниях больше учебных заведений (гимназий), чем в русских и малороссийских; наконец, поляки платят более низкий подушный налог, чем жители остальной России. Черкасский подчеркнул, что польские крестьяне лично благодарили его за крестьянскую реформу. Поляки же, продолжил он, всячески притесняют русское население в Галиции⁴³. Спустя несколько дней после встречи в Сокольниках, 25 мая, на Парижской выставке было совершено неудачное покушение на Александра II поляком Березовским. После этого польский вопрос больше не возникал⁴⁴.

С.М. Соловьев и Ф.В. Чижов, выступавшие после Черкасского, попытались сгладить резкость высказываний предыдущих ораторов. Соловьев отверг утверждение об исконной славянской розни, указав, что победы славян над врагами не были бы возможны, если бы это было так. «Покинем же печальную мысль о славянской розни, — заключил он, — и будем уповать, что скоро, очень скоро чужие народы вместо славянской розни станут указывать на славянское примерное единодушие»⁴⁵.

Вечером 16 мая на ужине, данном в честь гостей, М.П. Погодин подчеркнул: «Россия выросла из Москвы; в Москве зародилась и укрепилась мысль о славянском единстве». И.С. Аксаков назвал Этнографическую выставку первым праздником всеславяинства. В ответном слове Ригер сказал, что призвание Москвы — развитие славянской идеи, славянского братства и всеславянской взаимности. Этими выступлениями как бы была заложена программа обсуждений на московских встречах.

17 мая состоялась экскурсия по Кремлю, а затем славянские гости осматривали Этнографическую выставку. Этот осмотр, ради которого они официально приехали в Россию, продолжался всего несколько часов. 18 мая состоялось заседание профессуры Московского университета, на котором, кроме гостей, присутствовали представители 18 научных обществ. В выступлениях затрагивались вопросы общения славян в области науки.

На московских встречах обсуждались две важных проблемы, которые волновали славянскую общественность: польская, о чем речь шла выше, и принятие славянами общеславянского языка. Русские славянофилы стремились добиться этого. Вопрос о русском языке как общеславянском в открытых выступлениях чаще всего поднимался М.П. Погодиным⁴⁶.

Относительно того, каким должен быть общеславянский язык, большинство русских деятелей поддерживали мнение Погодина. За принятие русского языка в качестве общеславянского особенно горячо ратовали такие известные журналисты как М.Н. Катков (редактор «Московских ведомостей»), А.А. Краевский (редактор петербургской газеты «Голос») и др.⁴⁷. Что касается славянофилов Ламанского и Попова, которые еще до съезда пропагандировали русский язык в качестве общеславянского литературного языка, то на съезде они ограничились только смутными намеками в этом плане⁴⁸.

Но всё же некоторые русские деятели выступили по этому вопросу. Так, секретарь Общества любителей российской словесности П.К. Щебальский 20 мая, на заседании Общества со славянскими гостями, призвал славян принести свои местные наречия «в общую сокровищницу всеславянского слова».

Над всеми славянскими наречиями, по его мнению, должен распространиться «один литературный язык, общий каждому образованному славянину от Адриатического моря и Праги до Архангельска и Тихого океана». Щебальский не указывал прямо, какой язык должен стать общим литературным языком для славян, но был убежден, что каждое славянское племя, к какому вероисповеданию оно бы ни принадлежало и какова бы ни была форма его правления, должно сделать этот будущий язык «органом взаимного общения»⁴⁹. Как можно видеть, Щебальский скорее всего полагал, что общеславянским литературным языком должен стать некий искусственный язык, вобравший в себя всё лучшее из местных славянских наречий. Щебальскому была близка теория создания общеславянского языка, высказанная М. Маяром в 1865 г. в Праге в книге «Vzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska» («Взаимная славянская грамматика»).

На обеде, данном профессурой Московского университета 19 мая, знаменательную речь по поводу общеславянского языка произнес Ригер. «Липа славянская не выиграла бы в красоте, — сказал он, — если бы вы отсекали ее ветви, оставили ее ствол ... Одна мысль должна руководить нами ... мысль о том, что мы призваны сообща работать для одной цели, для нравственного возвышения всего славянства, что мы согласием всех отдельных племен славянских должны выработать красоту одного духовного целого, посредством свободного, но согласованного соревнования»⁵⁰. Таким образом, Ригер выступил против создания общеславянского языка, выразив мнение чешской делегации. Палацкий в частной беседе признал такой язык бесполезным. Позднее, в 1872 г., он выразился еще более определенно: «Все мы славяне тем охотнее будем учиться русскому языку, чем более поучительного и утешительного будет нам представлять русская литература; но из-за этого мы никогда не покинем и не пренебрежем своим собственным языком и литературой»⁵¹.

Сербские деятели также не поддерживали идею принятия русского языка в качестве общеславянского. Сербский студент из Вены В. Джорджевич, глава студенческого общества «Зора», сказал: «Если бы все славянские литературы приняли это предложение и начали писать одним общим языком, чего достигли

бы они этим? Они бы создали среди славянских народов одну касту литераторов, самые же народы не понимали бы собственной литературы»⁵².

Интересно, что присутствовавшие на Этнографической выставке зарубежные сторонники единого общеславянского языка — Маяр, Ливчак, Головацкий — не выступали по этому вопросу. Его затронули только Радлинский и болгарин Богоров, указавший, что у славян должна быть общая литература, «и для этого мы уже имеем язык готовый, язык русский»⁵³.

Помимо вопросов о поляках и общеславянском языке, по которым славянам и русским не удалось достичь согласия, на частных встречах в Москве обсуждались вопросы, которые вполне поддерживались обеими сторонами. 18 мая, на заседании профессуры Московского университета, ректор Московского университета С.И. Барышев заявил, что самым сильным средством объединения славян является наука. Его поддержал профессор Ю.И. Железнов (Общество испытателей природы), призвавший регулярно созывать славянские научные съезды. С.М. Соловьев, выступивший от имени Археологического общества, сказал, что занятие русской археологией невозможно без знания археологии славянской. Помимо этого он сообщил об избрании Обществом почетными членами Палацкого, Эрбена, Вртятко, Коларжа, Патеры, Смоляра и Головацкого.

На обеде 19 мая профессор Г.Е. Щуровский поднял вопрос об издании журнала «Славянское обозрение», в котором публиковались бы статьи по этнографии, истории, филологии славян, отмечались бы их успехи в науке. Свою речь он закончил здравицей в честь тех славянских деятелей, которые прислали на Этнографическую выставку самые богатые дары: Головацкого, Маяра, Эрбена, Лая, Вукашиновича, Матковича, Миличевича, Годоровича, Молчана. Браунер поднял тост в честь Московского университета, Попов — в честь Пражского, Львовского и будущего Загребского университетов⁵⁴.

22 мая, на приеме у Н.В. Калачова, председателя Общества любителей российской словесности, обсуждался вопрос об организации книжной торговли между славянами. Утром 26 мая наиболее видные славянские деятели — Ригер, Палац-

кий, Я. Шафарик, Суботич, Гай, А. Петрониевич, В. Ламбли, по-видимому, Маяр — договорились о необходимости составления сравнительной грамматики и общего словаря всех славянских наречий. Снова был поднят вопрос об общеславянском журнале, в котором должна была быть отражена научная и литературная жизнь славян. В своем дневнике Погодин писал, что статьи в нем публиковались бы на всех славянских языках с кратким резюме⁵⁵.

Вечером того же 26 мая на обеде в Купеческом собрании Полит-Десанчич высказал пожелание, чтобы Россия взяла на себя решение славянского вопроса.

Во время пребывания гостей в Москве некоторые из московских ученых вместе с рядом славянских политиков образовали комитет, который С.А. Никитин назвал комитетом по организации съездов. В него входили: М.П. Погодин, И.С. Аксаков, М.Н. Катков, Н.А. Попов, профессор кафедры славянских наречий Харьковского университета П.А. Лавровский, профессор математики Московского университета Н.Б. Бугаев, Я.Ф. Головацкий, Й. Суботич, М. Полит-Десанчич, Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Г. Эрбен⁵⁶. На заседании этого комитета выступил Палацкий. Указав, что австрийское правительство считало, что чешское движение замрет, лишенное поддержки и помощи, он заявил: чешское движение уже не ручеек — перед ним лежит славянское море. Палацкий полагал, что славянское единство проявляется в виде научно-литературного общения славян и содействия развитию славянской солидарности. После Палацкого выступил Попов, который подчеркнул взаимную любовь чехов и русских⁵⁷.

В постановлении, которое приняли члены комитета по организации съездов, говорилось: «Сознавая необходимость содействовать общению и единению славян, мы на первом Московском съезде постановили:

1. Собираться по крайней мере раз в два года на всеславянский съезд в наперед установленном месте.

2. На этих съездах будут подвергаться свободному обсуждению различные вопросы в видах научного, литературного, художественного и вообще нравственного сближения славян.

3. Эти вопросы и частные соображения по ним могут быть подготовлены на местных славянских съездах.

4. Время для общеславянских съездов назначается с 1 августа по 1 сентября».

Постановление было составлено на русском и чешском языках. Чешский текст был опубликован в газете «Народни новины» («Narodni noviny»). Постановление подписали 2/3 славян, приехавших в Москву. Этот документ включал те пункты, по которым удалось договориться всем членам комитета по организации съездов. Вместе с тем на его заседаниях обсуждались и другие вопросы, которые не нашли поддержки всех присутствовавших. Так, М.Н. Катков выдвинул предложение создать единую Всеславянскую Матицу, но его не поддержали чехи и сербы⁵⁸.

27 мая славянские гости вновь отправились в Петербург. Там они посетили Павловск, Кронштадт, были приняты в Павловске великим князем Константином Николаевичем. Перед отъездом на родину 3 июня славяне подписали адрес хозяевам, в котором, в частности, говорилось: «Мы, сыны различных племен славянских, трудящиеся преимущественно над их образованием, нашли приятный случай взаимно узнать друг друга, узнать ближе свою родственную связь и потребность посвящать более забот тому делу, которому все мы должны желать как можно более быстрого и стойкого успеха вообще и особенно в кругу науки; мы высказали друг другу свои чувства, свои братские советы, свои желания, свои надежды. Таким образом, как наше посещение России подало нашим братьям возможность узнать во многом нас и наши народные стремления, так и нам посчастливилось ближе узнать Русь посредством сближения как с передовыми ее людьми, так и вообще с народом». С большим уважением славянские гости отозвались о русском народе как о народе, в котором пробудилось и мощно развивается сознание кровного родства со славянами и братское сочувствие к ним. «Народ великий, не только по числу, — говорилось в послании, — но и по успехам образованности, которые он сделал в такое короткое время и при таких неблагоприятных обстоятельствах, великий и по высокому пониманию значе-

ния своего в истории человечества, и по прекрасным, твердым основаниям, полагаемым им к возвышению своей образованности и всестороннего своего преуспеяния». В конце адреса славянские гости выразили свою благодарность императору, императорской семье и «всем, от которых шли незабвенные нам свидетельства братского расположения»⁵⁹.

* * *

Что же собою представлял Славянский съезд в Москве, каковы были его итоги и значение для дальнейшего развития славянской идеи? В результате проведения съезда усилился интерес к славянам в России, особенно в российском обществе. Под его влиянием, помимо Московского славянского благотворительного комитета, в России были созданы и другие общества помощи славянам: в 1868 г. возникло Петербургское отделение Славянского комитета, в 1869 г. появился Славянский комитет в Киеве, в 1870 г. — в Одессе.

Хотя С.А. Никитин считал, что сознательные симпатии к славянам после их приезда устойчиво сохранились только в узком кругу, всё же, подчеркивал он, Славянский съезд не прошел бесследно и для широких слоев русского общества. «В тайниках общественного сознания, — пишет он, — остались какие-то следы славянских увлечений 1867 г. Они объясняют ту мощную реакцию русского общества, по преимуществу средних и низших кругов его, на призывы к славянской солидарности, которая обнаружилась восемью годами позже»⁶⁰. Никитин здесь подразумевает то движение горячего сочувствия и помощи славянам, которое возникло в России в связи с началом Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Большое впечатление события 1867 г. произвели и на славянские народы. Известный словенский либеральный деятель Й. Вошняк много лет спустя писал в своих воспоминаниях: «Большую сенсацию по всей Европе вызвал торжественный и воодушевленный прием славянских гостей на русской земле, особенно торжественная аудиенция, на которой царь Александр II принял в Царском селе славянских гостей ... Обращаясь ко всем, он сказал для того времени действительно много-

значительные слова: “Сердечно приветствую вас. Очень рад, что вижу своих родных братьев здесь на родной славянской земле”. Также и в Москве был величественный и воодушевляющий прием»⁶¹. По сообщению словенской либеральной газеты «Словенски народ», в одном из майских номеров чешской газеты «Народни листы» («Narodni listy») отмечалось: «Как у нашего народа, так и австрийских славян путешествие в Россию оставило глубокий след. Оно как пробудило мощное сознание общих интересов, так и оживило в груди всех славянских племен тлеющее чувство братства, зародило в мыслях славян стремление к взаимному сближению и взаимной помощи»⁶². В чешских землях усилился интерес к России. Многие чехи, особенно из молодежи, стремились уехать туда и найти там работу. За несколько месяцев после Славянского съезда Ламанский и чех Шрамек, проживавший в Петербурге, получили более двух тысяч писем от чехов, желавших получить место в России⁶³.

Среди национальных деятелей славян усилились русофильские настроения. Это выразилось, в частности, в стремлении молодежи, прежде всего студентов, семинаристов и учащихся старших классов гимназий, изучать русский язык. Эту тенденцию уловил М.Ф. Раевский. По его инициативе в 1868 г. в Вене было создано общество русинских студентов Русская основа. В нем проводились занятия по русскому языку, которые посещали члены всех славянских студенческих обществ. Славянские читальни тоже организовывали изучение русского языка. Петербургское отделение Славянского благотворительного комитета на своем заседании от 3 мая 1870 г. постановило составить список всех славянских читален с тем, чтобы снабжать их русскими книгами, газетами и журналами⁶⁴.

Чешские деятели в целом также были довольны поездкой в Россию. Ригер не отбросил «Константинов план», но только видоизменил его. Поняв, что ни поляки, ни русские не желают создания чешско-польского государства, он выдвинул идею образования чешского государства, надеясь при этом на поддержку России и Франции. Его должен был возглавить, как и в первом варианте, сын великого князя Константина Николаевича

ча Вячеслав. Ригер полагал, что через 20 лет его существования в нем будет введен русский язык. Младочехи были еще более воодушевлены своей поездкой в Россию. Ю. Грегр писал, что русские сохранили многие остатки патриархального славянского быта, в основе которого доминируют демократические черты. Вавра, вернувшись в Прагу, издал брошюру «Размышление о славянском единстве» («Hlase o slovanske jednoste»), в которой писал о необходимости не только литературного, но и политического объединения славян. В июле 1867 г. газета «Народни новины» («Narodni noviny») писала, что в России политическая свобода не меньшая, чем в Австрии⁶⁵.

В целом были довольны и сербы Княжества, которые получили денежный заем, а также прямое обещание русских властей поддержать их, в случае необходимости, в борьбе против турок. С.А. Никитин делает вывод, что надежды славян после поездки в Москву, возникшие у них в условиях борьбы против угнетателей, стали «основой широко распространенных, хотя и неглубоких симпатий к северным братьям»⁶⁶. И в этом он, несомненно, прав. Можно только оспорить его утверждение о том, что они были неглубоки. Эти симпатии, меняя свою форму (панславизм, неославизм и др.), сохранялись у славян до конца Первой мировой войны (1918 г.).

Давая оценку Славянскому съезду 1867 г., С.А. Никитин пишет: «Встречи от границы до Петербурга были только введением к съезду, но по существу с ним съезд уже начался... И уже на пути к Петербургу раздавались речи, в которых было намечено всё то, что затем в разных вариациях говорилось в Петербурге и Москве»⁶⁷. Близкой к этой точки зрения придерживалась и М.Ю. Досталь. Это не был в привычном понимании слова съезд, отмечает она: «Не было пленарных и прочих заседаний, выступлений с докладами, их обсуждения, а были банкеты, молебны, рауты, аудиенции, осмотр достопримечательностей, музеев и выставок, были речи, тосты, выступления, дружеские беседы, на которых как раз и обсуждались волнующие тогда славян проблемы. Поэтому это общественно-политическое и культурное турне в определенной степени выполнило задачи славянского съезда»⁶⁸. Я согласна с мнением С.А. Никитина

и М.Ю. Досталь — действительно, славянский вопрос стал обсуждаться с самого начала приезда славян в Россию, и это обсуждение окончилось с их отъездом на родину.

И еще одну особенность Славянского съезда отмечает С.А. Никитин: первоначально правительство держалось довольно сдержанно по отношению к славянам, но «затем содействовало привлечению особого общественного внимания к славянским гостям»⁶⁹. Хотелось бы несколько дополнить это замечание. Русские властные структуры не только способствовали привлечению внимания русской общественности к приезду славянских гостей, но также вели активные переговоры со славянскими деятелями по интересующим их вопросам. В них участвовали министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, великий князь Константин Николаевич, министр народного просвещения граф Д.А. Толстой и даже царь Александр II, который выступал в качестве инициатора создания доброжелательного отношения к славянам. С русскими государственными деятелями славянские лидеры обсуждали наиболее важные вопросы: «Константинов план», гарантии от турецких происков против полунезависимых Сербии и Черногории и др. Таким образом, эти беседы славян с русскими политиками вполне входили в круг обсуждений, которые вели на Славянском съезде общественные деятели. На мой взгляд, следует говорить не только о продолжении Славянского съезда во всё время пребывания славян в России, но и об участии в нем русских государственных деятелей.

Можно оспорить мнение С.А. Никитина о явной политической неудаче съезда⁷⁰. Сербия получила заем и обещание помощи Княжеству Сербия в его конфликтах с Турцией, австрийские славяне — поддержку своих национальных обществ, которая была широко развернута славянскими благотворительными комитетами России. И хотя вопрос о принятии русского языка в качестве общеславянского не получил поддержки со стороны славян, а в отношении поляков не было единства среди русских и славянских деятелей, все славяне убедились в сочувствии им как со стороны русского общества, так и со стороны русских правящих кругов. Это способствовало росту русо-

фильства среди славян, усилению их надежд на освобождение от чужеземного гнета при поддержке России. Такие надежды укрепились в результате победы России в войне с турками в 1877–1878 гг. Это ясно выразил в своей статье в московской славянофильской газете «Современные известия» словенский либерал Павел Турнер: «Балканские славяне, — писал он, — очень хорошо знают и чувствуют, что всем, что они есть и чем могут сделаться, они обязаны одной России. Австрийские славяне также понимают и чувствуют, что их национальное существование и дальнейшее освобождение обуславливаются сохранением могущества России»⁷¹.

Примечания

¹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 91.

² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 273.

³ Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 171.

⁴ Цит. по: *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // *Славяноведение*. 2007. № 1. С. 61.

⁵ *Никитин С.А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX века // *Славянский сборник*. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948. С. 21.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 171–173.

⁸ Там же. С. 167.

⁹ Зарубежные славяне и Россия. С. 268.

¹⁰ *Рокина Г.В.* Канун славянского съезда 1867 г. Трактат Л. Штура «Славянство и мир будущего» // *Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения*. М., 1998. С. 89.

¹¹ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 36, 37.

¹² Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867 (далее — Всероссийская этнографическая выставка). С. 86.

¹³ *Ратнер Н.Д.* Программа и тактика чешской буржуазии в 1860–1867 гг. // *Ученые записки Института славяноведения АН СССР*. Т. 14. М., 1956. С. 116–117.

¹⁴ Всероссийская этнографическая выставка. С. 102, 103.

¹⁵ Биржевые ведомости. 7 мая 1867 г.

¹⁶ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 174, 175.

¹⁷ *Главачка М.* Указ. соч. С. 56.

¹⁸ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 25, 26.

¹⁹ Там же. С. 31–33.

²⁰ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 175–180.

²¹ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 21–23.

²² Всероссийская этнографическая выставка. С. 161, 164.

- 23 Там же. С. 179, 180.
- 24 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 43.
- 25 Всероссийская этнографическая выставка. С. 203–208.
- 26 Там же. С. 209.
- 27 Там же. С. 399.
- 28 Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 55.
- 29 Всероссийская этнографическая выставка. С. 407.
- 30 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 196, 197.
- 31 Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд 1867. М., 2017. С. 146.
- 32 Биржевые ведомости. 28 апреля 1867 г.
- 33 *Главачка М.* Указ. соч. С. 62, 63.
- 34 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 197.
- 35 *Главачка М.* Указ. соч. С. 63.
- 36 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 42, 43.
- 37 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 195.
- 38 Всероссийская этнографическая выставка. С. 231–233.
- 39 *Досталь М.Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 106, 107.
- 40 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 44.
- 41 Всероссийская этнографическая выставка. С. 340–347.
- 42 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 202.
- 43 Всероссийская этнографическая выставка. С. 356–362.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 230.
- 47 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 63–66.
- 48 Там же. С. 68.
- 49 Всероссийская этнографическая выставка. С. 339.
- 50 Там же. С. 246–303.
- 51 Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 53.
- 52 Всероссийская этнографическая выставка. С. 365, 366.
- 53 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 54.
- 54 Всероссийская этнографическая выставка. С. 258–277.
- 55 Русский. 5 июня 1867 г. С. 21, 22.
- 56 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 230, 231.
- 57 *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 69.
- 58 Там же.
- 59 Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд 1867. М., 2017. С. 553–555.
- 60 *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 258, 259.
- 61 *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1906. S. 247, 248.
- 62 Slovenski narod. 20. 12. 1870.

- ⁶³ *Жакова Н.К.* Славянские гости на Этнографической выставке 1867 г. // Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г. СПб., 2009. С. 23.
- ⁶⁴ Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.). М., 2010. С. 249.
- ⁶⁵ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 75–78.
- ⁶⁶ Там же. С. 81.
- ⁶⁷ Там же. С. 35.
- ⁶⁸ *Досталь М.Ю.* Указ. соч. С. 95.
- ⁶⁹ *Никитин С.А.* Славянские съезды. С. 91.
- ⁷⁰ Там же. С. 81.
- ⁷¹ Современные известия. 15 сентября 1879 г.